(Древнее чешское предание)

Что это за дева средь мрачной дубравы
У дуба безмолвно сидит?
И жезл в ее длани монаршей державы,
Как молния, златом горит!
И в думе глубокой, чело свое снежно
На перси склонила она
И шелковы кудри, вияся небреяшо,
Устлали ее рамена.
Пред девой лик старцев маститых согбенных
В совете ей глас подает,
И внемлет невинным и в злобе надменных
Без лихвы свой суд воздает.
То мудра Любусса, [22] дщерь мудрого Крока, [23]
Потомка славянских князей,
И прелестьми дивна, и саном высока
Владычица чешских мужей.
Вкруг юныя девы народные сонмы,
Как класы средь жатвенных нив,
Их волны, ветрами по брегу несомы,
Мятутся, главы преклонив,
В ней матерь младенцу перстом указует
Царицу и матерь славян.
И старец с улыбкой в ней внукам сказует
Блаженство подвластных ей стран.
И глас благородный народа несется
В дань кроткой княжне к небесам,
Но с гласом сим вопль из среды раздается
И просит отмщенья врагам!
Зломир, отягченный цепьми, пред советом
С челом дерзновенным предстал:
Он чехов к измене коварным наветом
И к цареубийству склонял.

Он скипетр Любуссы отважился явно
Присвоить, и хитрый сей тать
Слух сеял, что чехам постыдно и срамно
Пред девой колена склонять.
Он страшно цепьми загремел пред мужами
И с скрежетом звена их рвал,
И, казни в надежде, он сими словами
На деву хулы изрекал:
"О горе вам, чехи, славянское племя!
Ваш рабственный близок ярем,
И слабая дева тиранское бремя
Возложит на выю вам всем!
Так краток ей разум и волосы долги
Для прелестей небо дало,
Но царским венцом правосудные боги
Лишь красят героев чело.
О праотцев славных преемники славы!
О чехи!.. О мужи побед!
Иль смерть восприять нам, иль девы уставы?
Но срама в могиле вам нет!"
Сим хульным наветом врага уязвилось
Невинное сердце княжны:
И светлое скорбью чело омрачилось,
Как мглою лик светлый луны.
И слезы по снежным ланитам катились:
Ах, горесть тот всю испытал,
Чьи блага на ближних рекою струились
И злом ему ближний воздал.
"О праотцев славных преемники славы!
О чехи!.. О мужи побед!
Не благо ль сулят вам Любуссы уставы,
Не я ли храню вас от бед?
Постыдно ль вам, чехи, что правит днесь вами
Со кротостью юна жена?
Обидно ль вам, чехи, что вы ей сынами,

Вам матерью служит она?
Пускай же отныне на место царицы
Царь суд и расправу дает:
Вам коршун потребен — не власть голубицы.
И я совершу вам обет!"
Так с скорбию дева вещала пред сонмом,
И кротки царевны черты
Гнев тихий возвысил в величии новом
Сияньем ее красоты.
"Так, завтра с рассветом обет ваш свершится!" —
Восставши, Любусса рекла,
И, лани подобно, сквозь сонмы стремится,
И в отческий дом притекла.
Но чешский народ, как Перуном сраженный,
Недвижен остался и ждет,
Доколе муж тайный, княжной предреченный,
Заутра в порфире придет.
Но старцы с прискорбной душой воздыхали.
Стыдяся при мысли одной:
Что материю девы любовь награждали
Столь неблагородной ценой.
Уж витязи славны стократно искали
Царевны руки, но всегда,
Вотще, ей и злато, и трон предлагали,
И земли, и тучны стада:
Отринула чуждых и трон, и богатства
Для счастия чехов она,
И счастье делить ей подвластного царства
Была ее слава одна.
Но вот уж и дубы зарей озлатились,
Румяный восток запылал,
Но девы ресницы ни сном не смежились,
Ни глас ее не умолкал.
На холме священном, где Климбе-богине
Дымился кадил фимиам,

В слезах о своей вопрошала судьбине
Любусса с мольбой к небесам:
"О Климба премудра! Богиня благая!
Да глас наречет твой того,
С кем жизнь разделю я, равно разделяя
Народа судьбу моего".
И стон сей молитвенный к слуху коснулся
Богини — и в самый тот час
Свод храма потрясся, кумир пошатнулся
И свыше раздался сей глас:
"Воспрянь, о Любусса!.. исполнилась мера
Обетов твоих и мольбы:
И вождь твой ко счастью смиренная вера...
Сверши ты веленье судьбы.
Там, там, за горами, где Бела [24] с плесканьем
Струится меж злачных брегов,
Там конь златогривый укажет твой ржаньем
Царя и любимца богов.
Ему предтекут два раба белоснежных.
И стол его невдалеке,
Искован из досок блестящих, железных,
И ветвь его рода в руке.
Спеши же во сретенье, дщерь царей славных,
Супругу-царю твоему:
Он праотец будет монархов державных,
И мир удивится ему!"
И быстро Любусса с холма устремилась
И стала в совете мужей;
Им в воле священной богов объяснилась,
Вещая с довольной душой:
"Воспряньте, о мужи! Исполнилась мера
Обетов моих и мольбы,
И вождь ваш ко счастью смиренная вера,-
Свершите веленье судьбы:
Там, там, за горами, где Бела с плесканьем

Струится меж злачных брегов,
Там конь златогривый укажет мой ржаньем
Царя и любимца богов.
Ему предтекут два раба белоснежных,
И стол его невдалеке.
Слиянный из досок блестящих, железных,
И ветвь его рода в руке.
Спешите ж во сретенье, род мужей славных,
Супругу, царю моему:
Он праотец будет монархов державных,
И мир удивится ему!"
Спешат... И в их длани венец с багряницей.
Уж конь златогривый летит:
Над ними орел беловидный с станицей
Птенцов своих быстро парит.
Несутся... Вдруг искры престали струиться
По камням от твердых копыт,
И конь златогривый, крутяся, ярится
И, с места не движась, стоит.
Вдруг Белы, сверкнувши, струи зашумели!
Конь громко заржал над водой!
И всадники чешские мужа узрели,
Согбенного над бороздой.
Смутились послы... Но оратай, главою
Прилегши небрежно на плуг,
И голосом гонит, и ветвью сухою
Волов белоснежных супруг.
Глас чехов приветственный громко раздался,
Но пахарь поспешно орал,
И, нудя волов своих, не озирался,
И, мнилось, он им не внимал.
Все вскликнули: "Мир тебе, муж вожделенный,
Любимец богов и людей!
Отринь, о пришелец, твой плуг искривленный
И жезл восприемли царей.

Приди и воссядь на престоле с царицей".
И потное мужа чело
В венце засияло! Хребет багряницей
Собранье послов облекло.
"О, благо б вам было,— рек муж утружденный,-
Когда бы я кончить успел
Начатую ниву — удел мой смиренный,
Но Климбы так глас повелел".
И ветвь он таинственну в землю втыкает,
И с выи волов он сов лек
Тяжелый ярем. "Ах, простите,— вещает,-
Мое вы наследье, навек!"
Вмиг вихрем взвилися волы, закружились,
Помчались, исчезли от глаз.
И недра ближайшей горы растворились,
И вихорь, опустясь в них, погряз.
Из зева их хлынул ключ ясный, текущий
Поныне вдоль злачных лугов;
Ветвь чудна, развившись, явилась цветущей
Средь двух молодых стебельков.
Безмолвны послы... Премыслав вынимает
Хлеб-соль из котомки своей.
Кладет их на плуге, на дерне сажает
Своих измученных гостей.
"Да благостно призрит всещедрая Ния,— [25]
Изрек он,— на браншо сие.
Всяк хлеб есть благое деянье благия,
Прославим же купно ее".
И правде обета послы изумились:
И кованый стол они зрят,
И стебли пред ними в земле распустились,
И, в цвет облеченны, стоят.
И новое чудо свершилось пред ними:
Два стебля, едва расцвели,
Вдруг, к ветке прильнувши листками своими,.

Увяли, склонились, усхли...
"О, что сей таинственный цвет предсказует?" —
Рек сонм изумленных мужей.
"Внемлите: вам ветвь сия прообразует
Грядущий род ваших князей.
От распрей их кровь прольется рекою,
И в крови иссякнет их род.
Один лишь из них предназначен судьбою
Свой счастливым сделать народ".
"Но что сей железный нам стол предвещает?
И что суть в ярме два вола?"
"Сей образ волов вам удел ваш являет,
А царь ваш есть образ стола.
Ваш жребий нести сей ярем без роптанья;
Удел его — вам отвержать
Богатства земли и величьем деянья
Великость труда облегчать.
Сиянье железа есть царской блеск славы,
А нива — горнило для ней;
Чем чаще железо, в земле, тем державы,
Тем слава прочнее царей".
"Почто же скорбел ты,— послы воспросили,-
Что ниву не кончил свою?"
"О, если б мне боги окончить судили
Начатую ниву мою!
Ах, если б Любусса вас позже прислала,
Под кровлю бы ваших домов
Мир с счастьем вселился, и Ния венчала
Довольством плод ваших трудов".
Он рек — и воспрянул, и конь уж ярится
Царевны, несется орлом,
Рвет землю, из рта его пена клубится,
Ноздрями дым пышет столбом!
"Помедли на время, посланник небесный,-
Гласят к нему.— В славный сей день

Раззуй твою обувь от кожи древесной
И царскую обувь надень!"
"Оставьте вы обувь древесну со мною,-
Ко всадникам пахарь вещал: —
Мне небо предстать в ней велит пред княжною,
Из лык ее сам я сшивал.
Да будет потомкам безмолвным уроком
Смирения памятник сей:
В каком облаченье на троне высоком
Воссел прародитель царей!"
И чешские мужи в оратае зрели
Подобье богов на земле...
Вдруг сонмы народа к вратам полетели
И масличну ветвь понесли.
И вышла Любусса за прагские стены
Во сретенье мужу-царю,
И мудростью старцы его удивленны
Текли с ним во храм к алтарю.
Четырнадцать дивных славянок красою,
С венками из роз на главах,
В одеждах белейших несли за княжною
Светильники брачны в руках.
Храм Климбы отверзся, свечи запылали,
Невеста вошла с женихом,-
И добрые чехи стократ поздравляли
Любуссу с супругом царем.
И долго под скиптром благим Премыслава
С Любуссой страна их была,
И суд их был краток, и мирна держава
Оратаев счастьем цвела.
И с веяньем ветра, и ранней росою,
И солнца с лияньем лучей
Лилось к ним обилье, довольство рекою,
Веселье цвело средь полей!
И грады создались, и селы явились

Как звезды на тверди небес,
Ветвь чудна цвела, и с почтеньем хранилась
Сандалья от кожи древес!
И братние узы крепились любовью,
И чтилося имя отцов;
Ни крови, ни свара, лишь жертвенной кровью
Кропились кумиры богов.
Но горе вам, чехи!.. Любусса с любезным
В могиле... цвет стебля опал,
Сандалья в позор со столом их железным,
И стол золотой заблистал!
[1825]

[22] — Любусса (Лібуша) — легендарна чеська королева. Літописні сказання і народні перекази розповідають про її красу, справедливість, її любов до простого народу, а також про прихильність народу до неї. Один з чеських переказів і обробив П. Гулак-Артемовський у своїй поезії.
[23] — Крок — за чеськими легендами, мудрий народний правитель.
[24] — Бела — Альба или Эльба (Прим. П. Гулака-Артемовського).
[25] — Нія — богиня древніх славян (Примітка П. Гулака-Артемовського).